

ФИЛОСОФИЯ

Калинин Павел Евгеньевич

канд. филос. наук, начальник

научно-исследовательского управления

ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

г. Иваново, Ивановская область

ЯЗЫК КАК ОСНОВА ПРОЯВЛЕНИЯ СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИХ КООРДИНАЦИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЗНАНИЯ

Аннотация: в статье рассматривается структурирующая деятельность сознания, организуемая в своих базовых компонентах за счет языка. Автором проанализирован язык, который является возможным носителем структурообразующих компонентов сознания, связывающих субъективную и объективную реальности.

Ключевые слова: сознание, язык, структурообразующие координации, интенция, пространство-время.

Язык непосредственно включен в сознание и может быть рассмотрен как «действительное сознание», как главный оформляющий и структурирующий принцип, конституирующий деятельность сознания. Как писал А.Н. Портнов, «сознание человека изначально связано с действительностью и коммуникацией, что генетически (в филогенезе и онтогенезе) предметно-практическая деятельность и опосредованное знаками общение выступают как необходимое условие возникновения сознания» [8, с. 29]. Кроме того, язык по своей природе выступает в качестве составляющей структурообразующей деятельности сознания и мышления, выделяя и максимально дифференцируя в субъективном мире образы, идеи, смыслы тех или иных предметов и явлений объективной действительности. Можно констатировать, что в целом, интеллектуальная деятельность сознания представляется в виде системы определенных интенций, действий, которые

оформляют и структурируют непрерывный «поток сознания» посредством языка.

Так, например, В. фон Гумбольдт выделял в языке форму и материю. Под формой языка он понимал постоянное и единообразное в деятельности духа, возвышающей артикулированный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности [3]. Язык, по его мнению, призван синтезировать мышление индивидуальное и общественное, определять переход одной формы мышления в другую. Язык, оформляет чистое бессловесное сознание, придавая форму мысли как особого рода оформленному сознанию.

«Языковая способность» присущая человечеству в целом может быть рассмотрена как способность организовывать бесформенные потоки сознания, появляющиеся в соматической основе, в форму возможную для внутреннего восприятия и как следствие для более полного осознания. На базе этой способности возникают словесно оформленные мысли. Деятельность языка всегда протекает в определенной форме, и, если ее отнять, останется неорганизованная материя сознания или неформенная «чувственная ткань» по определению А.Н. Леонтьева [6].

Кроме того, язык в понимании В. фон Гумбольдта представляет собой «не-что постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко несовершенное мимеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (ergon), а деятельность (energeia)» [1]. Таким образом, можно констатировать, что в языке В. фон Гумбольдт видел постоянно совершающуюся деятельность по выражению мысли.

Представление о языке как форме, влечет за собой признание за языком особой функции выделения в потоке сознания некоторых феноменологических форм Э. Гуссерля. Более того, наполнение такими формами сознание неизбежно при анализе его структуры подвергается разделению на три мира Н.О. Лосского, и формы сознания, организуемые языком заполняют трансубъективный внутри-телесный мир, а сам язык начинает свое существование во вневременном «Я»,

составляя единство интенциональных актов «Я» и образов, на которые направлены эти акты. Таким образом, язык становится началом вневременным и внепространственным.

В этом же значении способности формирования особых структур, которые бы замещали предметы внешнего пространственно-временного мира, особыми явлениями внутреннего мира говорит о языке А. Геллен. Язык, по его мнению, дает возможность полностью освободиться от ситуационного поля, в котором изначально оказывается погружен человек.

В целом А. Гелен ставил мышление в зависимость от языка, указывая, что «Мышление есть представление представления, или символика второго порядка, оно зависит от сенсомоторной символики языка или движений руки» [2]. Мышление призвано комбинировать внутренние и внешние впечатления с целями действия и регулировать действия в связи с предполагаемым, моделируемым будущим. Точнее было бы сказать, что мышление различным образом комбинирует интенции, выстраиваемые в рамках смысловой активности к объектам внешнего мира.

О некоторых устойчивых, выделенных в сознании форм посредством языка писал также Э. Кассирер: «В самом деле, создание знака в процессе внутреннего развития духа – всегда первый и необходимый шаг на пути объективного познания сущности. Знак представляет для сознания первый этап и первое вещественное доказательство объективности потому, что посредством него впервые полагается остановка в непрерывном движении содержания сознания, поскольку в нем определяется и выделяется нечто устойчивое» [5, с. 25].

Таким образом, можно утверждать, что в понимании Э. Кассирера, сознание также представлялось в виде непрерывного потока чувственных переживаний, который кристаллизуется, обобщается и символизируется в знаках. На первый план в осознании внутреннего мира выступает символическая функция сознания – деятельность, которая в языке, искусстве, мифе выражается в том, что из потока сознания сначала извлекаются конкретные устойчивые основные формы, наполовину понятийной, наполовину чувственно-созерцательной природы – и в

текущем потоке содержаний образуется островок замкнутого на себя формального единства [5]. Сознанию, по мнению Э. Кассирера, свойственна формообразующая функция, которая заключается в придании той или иной формы чувственно воспринимаемым элементам.

Придание формы чувственно воспринимаемой последовательности, таким образом, придает ей смысл, который становится имманентным форме.

Представление о наличии у сознания особой функции, позволяющей выделять во внутреннем, процессирующем континууме некие идеальные пространственные формы перекликается с «опространствливанием», фиксированием временной длительности сознания А. Бергсона. Особого внимания заслуживает мнение Кассирера, согласно которому «У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь» [4, с. 29].

Таким образом, мир человека раздваивается и человек «живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта» [4, с. 30]. Следовательно, между человеком и окружающим его миром вырастает еще один транссубъективный внутрителесный (по Н.О. Лосскому) символический мир [7], который позволяет человеку моделировать реальность в будущем и учитывать предполагаемое будущее в своем настоящем. Человек живет в символическом мире будущего, которое постоянно изменяется в его воображении. И именно это отличает его от животных, которые не могут выйти за пределы своего умвельта.

Глубокое понимание необходимости выделения в сознании человека некоторого промежуточного уровня, в котором осуществлялось бы построение языковых форм, было продемонстрировано Э. Холенштайном, который в своем исследовании пришел к выводу, что в сознании языку предшествует некая «когнитивная способность, познавательный механизм, позволяющий интерпретировать языковые выражения. Для анализа сознания, считает он, было бы продуктивно

различать «образное» и «предикативное» его состояние» [8, с. 112]. Промежуточные формы сознания, по его мнению, не являются ни образными, ни вербальными.

Далее Э. Холенштайн приходит к заключению, что «1) язык так или иначе участвует в становлении и функционировании перцепции 2) существуют формы знания промежуточные между «чисто чувственным» и «чисто рациональным» (интермодальные образы)» [8, с. 114]. Такие промежуточные формы знания могут быть представлены в качестве «чистого созерцания» И. Канта, которое является определенным местом, где из «материи явления» создается его образ по определенным правилам, для дальнейшего использования его (образа) в интеллектуальной, рациональной деятельности. Правила построения образа создаются не без вмешательства языковых структур.

Язык посредством выделения в сознании человека особого, символического мира непосредственно связывает человека и окружающую его действительность в единое целостное бытие, так, например, М. Хайдеггер, в своей философии признает многослойность бытия. Знак и знаковое отношение по Хайдеггеру укоренены в Бытии. Знак как таковой возможен только при наличии человека в мире, о его месте в «бытии-в-мире». Первоначальное знание о мире человек получает через деятельность в мире. Точнее, Бытие (Sein) осмысливается через вещь (Zeug) и открывается наличному бытию (Dasein). Речь есть дальнейшая артикуляция понятного, которое до истолкования расчленено.

В процесс понимания мира человеком Хайдеггером вводится «подлинная» и «неподлинная» речь. Неподлинную речь в переводах часто обозначают как толки. Под толками Хайдеггер понимал особую реальность, которая встает между бытием и сознанием. Толки состоят из слышания и понимания, слышание и понимание заранее привязаны к произносимому как таковому. Сообщение не «сообщает» первичного бытийного отношения к сущему, о каком речь, но бытие-друг-с-другом движется в говорении друг с другом и озабочении проговариваемым. Ему важно чтобы говорение было [9, с. 196]. Таким образом, видно, что в толках главное говорение и исследование того что сказано, тогда как истинное

мышление призвано познавать реальность как таковую, а не вербальную сторону выражения знания каковой являются толки. Так же Хайдеггер указывает, что язык составляет ближайшее окружение человеческого существа. Повсюду встречается язык.

Таким образом, выделяется внутренний мир, который необходимо выразить и выражение представляется как деятельность посредством языка способная выразить действительное и недействительное. Выражение для Хайдеггера является деятельностью, при помощи которой «человек производит сам себя». Язык в своем говорении различает вещь и мир, язык бытует как сбывающееся различие мира и вещи.

Следовательно, наблюдается объединение при помощи языка внешнего, объективного мира и мира внутреннего – субъективного. При таком объединении язык отвечает, прежде всего, за выстраивание интенции к предмету и построение образа данного предмета в сознании. При таком подходе понятие языка начинает значить больше чем просто говорение, он начинает проявляться как принцип, как система, объединяющая и переводящая структуры объективной действительности в принципы внутренней деятельности сознания.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-03-00833.

Список литературы

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://project.phil.pu.ru/lib/data/ru/alpatov/humboldt.html>
2. Гелен А.О систематике антропологии / А.О Гелен // Проблема человека в западной философии / под ред. П.С. Гуревич, Ю.Н. Попов – М.: Прогресс, 1988. – 552 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт // Пер. с нем. под общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги, В.А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

4. Кассирер Э. Что такое человек? / Э. Кассирер // Проблема человека в западной философии / под ред. П.С. Гуревич, Ю.Н. Попов. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с.
5. Кассирер Э. Философия символических форм / Э. Кассирер // Том 1. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 271 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
7. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н.О. Лосский. – М.: Республика, 1995 – С. 349–370.
8. Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. / А.Н. Портнов. – Иваново: ИВГУ, 1994. – 367 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер // Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.